

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

Выпуск № 18
Август 2025
«Эрозия Запада и войны будущего»

все выпуски здесь

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Составители

Д.В. Тренин (руководитель проекта), к.и.н., директор Института мировой военной экономики и стратегии, dtrenin@hse.ru

Е.А. Дегтерева (заместитель руководителя проекта), д.э.н., заместитель директора Института мировой военной экономики и стратегии, edegtereva@hse.ru

А.Ю. Чихачев (научный редактор), к.полит.н., ведущий эксперт Центра стратегических исследований Института мировой военной экономики и стратегии, achihachev@hse.ru

А.Д. Янькова (аналитик), младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований

Т.С. Викторов (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

М.О. Габриелян (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.Ф. Мирская (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

В.О. Потемкина (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.И. Сабанцев (аналитик), стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии

А.С. Прокофьева (верстка/дизайн)

Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов

по материалам зарубежных
аналитических центров

Институт мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ (ИМВЭС НИУ ВШЭ) представляет **«GS trends 8'25: мониторинг глобальных стратегических трендов»**.

- Каждый выпуск составлен по материалам ведущих зарубежных аналитических центров и обеспечивает краткий аналитический формат, что позволяет экономить время.
- Мониторинг отражает наиболее важные экспертные идеи в области международной безопасности, военной политики и экономики.
- Публикации сгруппированы по странам и объединены в ключевые тематические разделы.
- Выпуск основывается на информации, доступной на последний день каждого месяца.
- Выборка материалов зарубежных центров сформирована экспертами-аналитиками ИМВЭС, профессионально владеющими различными языками (в том числе китайским, корейским, японским, немецким, французским, итальянским, польским и др.).
- Уникальность мониторинга заключается в том, что многие оригинальные доклады зарубежных аналитических центров в России недоступны.
- Мониторинг будет полезен широкому кругу специалистов, в том числе исследователям, а также лицам, принимающим решения.

Выпуск «GS trends 8'25: мониторинг глобальных стратегических трендов» посвящен вопросам российско-китайского сближения, геополитического ослабления Запада и подготовки отдельных стран к войнам с более активным использованием беспилотной авиации и искусственного интеллекта (ИИ).

Материал открывает раздел «Стратегия», содержащий группу статей, подготовленных под эгидой аналитических центров США, КНР и Южной Кореи. Американские авторы из Института исследований внешней политики (FPRI) изучают современные российско-китайские отношения, приходя к выводу об их устойчивом характере. Эксперты полагают, что даже если между Москвой и Пекином наблюдаются отдельные противоречия (например, в экономике или вопросах исторической памяти), то сама логика эволюции международной системы подталкивает их к сближению, и Вашингтон не в силах этому помешать. Китайские аналитики (Институт современных международных отношений) констатируют внутреннюю дифференциацию коллективного Запада, способную в обозримой перспективе привести даже к его исчезновению как целостной геополитической единицы. Южнокорейские специалисты (Институт иностранных дел и национальной безопасности, IFANS), напротив, считают, что внутренних трений не сумеет избежать и группировка БРИКС+, вследствие чего Сеулу следует выстраивать отношения с каждым ее членом по отдельности. Их соотечественники из Корейского института военного дела (KIMA) уверены, что военно-политическое сотрудничество между Россией и КНДР представляет собой прямую угрозу безопасности Республики Корея; последней необходимо модернизировать стратегию сдерживания Пхеньяна, еще больше сблизиться с НАТО и использовать гражданский сектор для развития оборонного потенциала страны.

Раздел «Новые технологии» включает в себя материалы из Китайской военной сети и военной рубрики «Жэньминь жибао». В первом случае авторам интересна подготовка НОАК к «интеллектуализированной войне» в свете недавно прошедших учений с использованием единого боевого расчета, составленного из стационарной и мобильной РЛС. Во втором случае обозреватели фиксируют основные тенденции в сфере интеграции ИИ в системы целеуказания на примере британского проекта ASGARD. С этим рифмуется материал от южнокорейского центра KIMA, в котором содержится призыв к военно-политическому руководству страны быстрее выстраивать интегрированную систему управления ПВО на основе ИИ.

Раздел «Военная мысль» отражает взгляды представителей американского, китайского и индийского экспертных сообществ на развитие военного дела. Так, в Центре новой американской безопасности (CNAS) убеждены в серьезном отставании США от ряда других армий мира в сфере беспилотных технологий и считают, что для подготовки к войне будущего в американской военной политике еще слишком многое предстоит поменять. Обозреватели из Китайской военной сети в контексте приближавшегося юбилея окончания Второй мировой войны подчеркнули, что для современной НОАК все еще важен моральный «дух антияпонской войны». Индийские аналитики (ORF) опасаются дальнейшего сближения Пакистана и КНР и их потенциала совместных действий в «серой зоне» против Нью-Дели.

Раздел «Экономика» представлен текстом от того же индийского центра ORF, в котором авторы рассуждают о степени совместимости «Белой книги» ЕС по оборонной готовности до 2030 г. и стратегических интересов Индии. Они приходят к выводу, что Нью-Дели следует придерживаться прагматичной линии, пользуясь нынешней милитаризацией Евросоюза посредством постепенного выхода на европейский рынок через Украину, выстраивания более тесных отношений со странами Восточной Европы.

Раздел «Инфраструктура» представлен материалом из американского центра FPRI. В фокусе внимания оказался британский проект противолодочной обороны «Атлантический бастион», предполагающий качественное укрепление возможностей Лондона и сопредельных стран по военно-морскому сдерживанию России. Автор заключает, что, даже если в теории проект выглядит весьма привлекательно и может стать отдельной технологической экосистемой внутри НАТО, на практике его реализация столкнется с рядом трудностей, а главное – так и не станет идеальной контрмерой против действий России ввиду мощи ее флота.

Если вы не нашли в этом выпуске нужный вам материал или хотите дать обратную связь, можете обратиться к А.Ю. Чихачеву (achihachev@hse.ru).

Содержание

СТРАТЕГИЯ.....	8
США	8
Партнеры или соперники? Зоны совпадения и расхождения интересов в Индо-Тихоокеанском регионе	8
Китай.....	11
Конец Запада?	11
Республика Корея	15
Саммит БРИКС в Бразилии в 2025 г.: будут ли неприятные последствия или эффект расширения откладывается?	15
Последствия отправки вооруженных сил КНДР в Россию и вызовы для армии Республики Кореи.....	17
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	19
Китай.....	19
Согласованные действия: соединение преимуществ радиолокационных подразделений ВВС НОАК для формирования плотной противовоздушной сети.....	19
ИИ-система определения местоположения объектов - «всевидящее око» будущего поле боя	21
Республика Корея	24
БПЛА, бесконтактная война с использованием искусственного интеллекта и вызовы корейской системе противовоздушной обороны	24
ВОЕННАЯ МЫСЛЬ.....	27
США	27
Почему самые передовые армии мира так сильно отстали от реалий войны дронов.....	27

Китай.....	30
НОАК черпает силы из великого духа антияпонской войны	30
Индия	33
Война в «серой зоне»: тайный сговор Пакистана и Китая	33
ЭКОНОМИКА.....	41
Индия	41
«Белая книга» о готовности ЕС в сфере обороны до 2030 г.: возможности для Индии	41
ИНФРАСТРУКТУРА	46
США	46
«Атлантический бастион»: будущее противолодочной войны.....	46

США

Партнеры или соперники? Зоны совпадения и расхождения интересов в Индо-Тихоокеанском регионе

(Partners or Rivals? Areas of Convergence and Divergence of Interests in the Indo-Pacific)

Институт исследований внешней политики
(Foreign Policy Research Institute, FPRI)

Александр Королев (Alexander Korolev), старший преподаватель политологии и международных отношений Школы социальных наук факультета гуманитарных и социальных наук Университета Нового Южного Уэльса в Сиднее.

Томас Дж. Шаттак (Thomas J. Shattuck), научный сотрудник Евразийской программы Института исследований внешней политики, старший менеджер программы Perry World House Пенсильванского университета. Внештатный стипендиат WSD-Handa Тихоокеанского форума в 2024–2025 гг., внештатный научный сотрудник Института современной войны (ISW) в Вест-Пойнте в 2024–2025 гг.

15.08.2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/08/partners-or-rivals-areas-of-convergence-and-divergence-of-interests-in-the-indo-pacific/>

Теги: #Россия #Китай #США #Индо-Тихоокеанский регион #КНДР #Балансирование

В свежем докладе FPRI А. Королев и Т.Дж. Шаттак пробуют обрисовать контуры локального и глобального уровней отношений России и Китая, а также рассмотреть их взаимовлияние друг на друга. В частности, они указывают, что геополитические интересы Москвы и Пекина, включая сдерживание США, совпадают, однако в отдельных контекстах они сталкиваются с противоречиями, вытекающими из экономики, политики памяти и территориальных споров в Индо-Тихоокеанском регионе. Тем не менее, отталкиваясь от понятия структуры по К. Уолтцу, авторы резюмируют, что современный международный контекст неизбежно делает Россию и Китай стратегическими партнерами. Они также отдельно рассматривают администрацию президента США Д. Трампа, указывая на бесперспективность стратегии «Киссинджер наоборот», состоящей в попытке урегулировать конфликт на Украине, вбив клин в российско-китайские отношения.

Отталкиваясь от неореалистического подхода К. Уолтца к балансированию, авторы делают предположение, что с конца 1990-х гг. между Москвой и Пекином возникла потребность в кооперации в сфере безопасности по мере относительного ослабления мощи Вашингтона. Они приходят к выводу, что это необратимая тенденция, которая на фоне нынешних проблем американской внешней политики лишь возрастает.

В частности, они отмечают, что сближение Китая и России основано на общих интересах в перестройке международного порядка. По их словам, Москва и Вашингтон последовательно выступают против глобального лидерства Вашингтона и с конца 1990-х гг. перешли от простой поддержки многополярности к ее активному продвижению, особенно через такие платформы, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества. Российские и китайские лидеры последовательно призывают к созданию глобальной системы, в которой голоса незападных государств будут иметь большее влияние, что делает Индо-Тихоокеанский регион стратегическим приоритетом. Китай и Россия все чаще рассматривают многополярность как способ защиты национальных интересов, а их партнерство, основанное на общей незападной идентичности, углубляет нормативный разрыв с Западом и способствует формированию блока государств-единомышленников, бросающих вызов доминированию Запада.

Тем не менее авторы отчета пытаются проследить противоречия, существующие в российско-китайских отношениях на двустороннем и региональном уровнях. Ключевой вопрос, который они ставят, – перетекают ли возможные трудности в локальных контекстах на глобальный стратегический диалог и, соответственно, какова динамика отношений и взаимовлияния «нижнего» и «верхнего» уровней.

Во-первых, А. Королев и Т.Дж. Шаттак рассматривают актуальные тенденции экономических отношений Москвы и Пекина. По их словам, российская экономика значительно уступает китайской, что неизбежно формирует дисбалансы в торговле. Те, в свою очередь, способствуют закреплению иерархичных ролей, которые в полной мере не устраивают Россию. Исследователи резюмируют, что эти трудности мешают сторонам заключать стратегически важные сделки в экономике, которые позволили бы укрепить геополитические позиции двух держав. Однако они признают, что российская и китайская экономики взаимодополняемы.

Во-вторых, имеют место проблемы исторической памяти, или же «бремя истории». С точки зрения авторов, в Китае по сей день сохраняют популярность нарративы об участии России в «неравноправных договорах». Отдельно они обращают внимание, что в КНР сохраняется неоднозначное отношение к первым контактам с СССР, включая подписание Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи 1950 г. В качестве доказательства своих слов они ссылаются на работы Фу Ина, высокопоставленного дипломата и бывшего председателя Комитета по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей, который критично высказывался о присутствии Российской империи в регионе Дальнего Востока. Ссылаясь на его тексты, они предположили, что Пекин якобы будет нервно смотреть на любые попытки Москвы укрепить свои контакты со странами Индо-Тихоокеанского региона.

Отсюда, в-третьих, они указывают на фактор третьих стран в отношениях России и Китая – Вьетнама и Индии. Королев и Шаттак отмечают, что с обеими державами КНР находится в сложных отношениях, вытекающих из территориальных споров. При этом Россия стремится выдержать дружественный курс сразу ко всем, что, по мнению авторов, может создавать трудности в отношениях с Пекином (особенно в вопросе топонимики и картографирования спорных пространств). Тем не менее они признают, что эти проблемы носят гипотетический характер. У России есть потенциал к конструктивному посредничеству в случае кризисов в отношениях Вьетнама и Индии с Китаем. Кроме того, авторы согласны с той точкой зрения, что стратегия администрации Д. Трампа по санкционному давлению на Нью-Дели за покупку российской нефти потерпела провал и дала импульс к трехстороннему диалогу с Пекином и Москвой.

Несмотря на перечисленные противоречия, А. Королев и Т.Дж. Шаттак делают следующий вывод: «вопреки расхождениям в российско-китайских отношениях, структурная динамика, особенно политика великих держав, остается доминирующей силой, определяющей их сближение, и, вероятно, продолжит это делать». Они отмечают, что стратегия США по сдерживанию Китая сокращает для Пекина пространство для внешнеполитического маневра, что лишь укрепляет партнерство с Москвой и делает его более органичным. Кроме того, они отдельно рассматривают стратегию Д. Трампа «Киссинджер наоборот» – стремление вбить клин между Россией и Китаем посредством попытки урегулировать конфликт на Украине. Однако они отмечают, что администрация президента-республиканца сталкивается с большим количеством структурных ограничений (прежде всего проблема координации с Европой), которые заведомо делают этот подход провальным. Как следствие, они предполагают, что преемник Трампа (вне зависимости от партийной принадлежности) продолжит эту стратегию, однако она все равно обречена на провал.

В связи с этим авторы резюмируют, что «российско-китайские отношения представляют собой глубокое геополитическое единство», которое глобальная турбулентность лишь укрепила (конфликт на Украине, стремление США и Европы снизить зависимость от Китая, тремпизм и политика пошлин). Сама динамика международной системы нивелирует гипотетические противоречия Москвы и Пекина, которые могут возникать на локальном уровне. Возможное укрепление позиций России в Индо-Тихоокеанском регионе (прежде всего в Юго-Восточной Азии) не скажется на отношениях с Китаем, так как стороны едины в основных региональных вопросах (в частности, по вопросу балансирования США и проблеме Тайваня).

Китай

Конец Запада? (西方的终结?)

Китайский институт современных международных отношений
(中国现代国际关系研究院)

Чжан Цзянь (张健), заместитель директора Китайского института современных международных отношений, старший научный сотрудник. Основная сфера исследований – Европа, отношения между Европой и США, отношения между Китаем и Европой

30.08.2025. URL: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/opinion.html?id=898255c9-4bb3-4ce1-85ba-6c5206ca681e>

Теги: #Запад #Европа #США #Геополитика #Мировой порядок

Основной тезис автора заключается в том, что Запад находится в фазе глубокого кризиса идентичности и утраты глобального влияния, что ставит под сомнение его долгосрочную целостность. Ключевыми доказательствами этого выступают размывание общих ценностей, разногласия по вопросам безопасности и мирового порядка. Центральным фактором является политика США – переориентация на собственные интересы и пересмотр трансатлантических обязательств, что одновременно отражает национальные проблемы и ускоряет фрагментацию блока. Однако Чжан Цзянь подчеркивает, что эти процессы имеют двойственную природу: с одной стороны, усиливается внутренняя дифференциация, с другой – возникают новые стимулы к консолидации на фоне внешних угроз. В перспективе можно выделить два конкурирующих сценария – это постепенный распад Запада в традиционном геополитическом смысле или его трансформация в более гибкую сеть союзов, где Европа будет вынуждена искать баланс между стратегической автономией и зависимостью от США.

Чжан Цзянь описывает особенности формирования понятия «Запад», отдельно останавливаясь на событиях XX в., когда у так называемого западного блока либо повышался уровень единства благодаря наличию общих ценностей и взглядов в период холодной войны, либо, наоборот, снижалась внутренняя сплоченность в результате исчезновения общего врага после распада советского блока. Поскольку трансатлантические отношения часто сталкивались с кризисными ситуациями, то дискуссия автора об оценке или предсказании «конца Запада» не является новой. Однако, несмотря на сохранение Запада в виде различных форматов и организаций, продолжающих функционировать, таких как «Группа семи» и НАТО, события 2022 г. и повторное избрание Д. Трампа на пост президента США в 2024 г. влекут за собой определенные последствия, которые влияют на дальнейшую судьбу Запада и нуждаются в переосмыслении. Чжан Цзянь отмечает, что в данный момент Запад достиг нового пика самоидентификации с момента окончания холодной войны, вновь имея причины для объединения и продолжения своего существования на фоне конфликта на Украине. Тем не менее оптимистичный настрой быстро сменился волнениями, как только администрация Трампа начала предпринимать первые внутри- и внешнеполитические шаги.

Изменение Запада

По словам исследователя, мощь западного блока неуклонно снижается. Существование Запада с геополитической точки зрения во многом зависит от его целостности, согласованности, единства и прежде всего признания Соединенными Штатами западной идентичности и системы союзов. Обусловливается это американским доминирующим положением по численности населения, показателям ВВП и, разумеется, технологическими достижениями и военной мощью. Поэтому раскол Запада во многом определяется тем, идентифицируют ли США себя с Западом и нет ли у них с союзниками противоречий по вопросам ценностей и взглядов на безопасность и мировой порядок.

Далее автор приводит следующие аргументы, подкрепляя тезис об утрате влияния Западом.

1) Начинают рушиться общие ценности. За последние 20 лет прежняя опора на либеральную демократию как основу превосходства и гегемонизма стала ослабевать. Продвигаемая система прав и свобод утрачивает свою дискурсивную силу, из-за чего страны Европы и Америки стали остерегаться роста влияния так называемых авторитарных режимов и пытались сохранить свои превосходство и глобальный статус. Ситуация усугубилась, когда в 2025 г. США стали критиковать Европу в отходе от своих фундаментальных ценностей, обвинять в антидемократических действиях, предостерегая, что такая тенденция угрожает трансатлантическому партнерству.

2) Общие взгляды Запада на безопасность стремительно дифференцируются. Именно взгляд на безопасность является ядром западного блока. Автор отмечает, что малейшие расхождения между странами касательно угроз порождали серьезные противоречия, как прежде это было с СССР; теперь тенденция находит отражение по поводу восприятия РФ. Администрация Трампа не только перестает рассматривать Россию как угрозу, отказываясь осуждать ее действия, но и называет украинский конфликт европейской проблемой, а НАТО – устаревшей организацией.

3) Общее видение Западом миропорядка приближается к распаду. Созданные после Второй мировой войны механизмы и институты, которые должны были отвечать интересам западных стран (ООН, Всемирный банк, МВФ, ВТО и др.), в настоящее время подвергаются критике насчет того, насколько существующий мировой порядок в действительности служит первоначальным целям сохранения авторитета Запада. Действия Трампа (например, выход из ВОЗ, введение пошлин) демонстрируют игнорирование и безразличие к международным правилам, а также пренебрежение и враждебное отношение к ЕС.

Причины изменения

Чжан Цзянь называет изменение Запада неизбежным, поскольку оно вытекает из результатов многочисленных преобразований в политике США, других западных стран и трансформации международной обстановки. Соединенные Штаты стали рассматривать систему союзов бременем. Во-первых, непрерывно истощаются американские ресурсы, поэтому теперь часть ответственности за военные расходы должны взять на себя союзники, чтобы показать США свою приверженность. Во-вторых, страна подвергается опасности быть втянутой в ненужные конфликты. Сейчас Трамп выступает в роли миротворца, выражая готовность быть посредником в разрешении споров. В-третьих, США не находят благодарности со стороны союзников, которые, как утверждается, пользуются американскими преимуществами в собственных целях больше, чем соперники. Поэтому на фоне роста внутренних проблем администрация Трампа решила, что партнеры станут объектом для сделок и извлечения собственной выгоды. Автор подмечает, что политика президента Соединенных Штатов является не причиной изменений, а их следствием. Западный блок остается в сильной зависимости от лидера, в то время как параллельно развиваются страны БРИКС, особенно их технологический потенциал, порождая тем самым сдвиг в общественных настроениях США, ослабление остального Запада и подъем не-Запада.

Долгосрочные последствия

Чжан Цзянь утверждает, что довольно сложно судить, наступил ли уже «конец Запада». При этом, учитывая наличие международных платформ и объединений, схожих взглядов на многие важные вопросы, такие как ситуация на Ближнем Востоке и исключение Китая из цепочек поставок, невозможно отрицать возникновение серьезных проблем внутри западного блока, носящих долгосрочный характер. Отсюда автор предполагает, что в традиционном геополитическом смысле Запад уже может перестать существовать. В заключение исследователь дает следующие прогнозы.

- Дальнейшая внутренняя дифференциация Запада неизбежна. Привычные форумы и саммиты больше не выступают фундаментом для сотрудничества, а односторонняя политика запугивания США вызывает недовольство. Остальные члены G7 готовятся к эпохе после США, усиливая между собой координацию. Стратегическое сближение Франции, Германии и Великобритании в области безопасности и обороны имеет историческое значение. Однако судьба блока остается под вопросом, поскольку без лидера долгосрочно сохранять единство станет затруднительно. Все зависит от того, сможет ли Европа достичь стратегической автономии, исход чего маловероятен по причине множества внутренних разногласий.

- Фактическое противостояние между Западом и не-Западом будет ослабевать. Глобальное влияние и мощь Запада продолжают снижаться, имидж рушится на фоне идеологического раскола США и Европы. Ценностные различия, по версии Трампа, перестают быть препятствием для сотрудничества даже с «авторитарными» странами, что сопровождается отказом от нарратива «демократия против автократии». А союзники США без их помощи рискуют потерять право голоса, поэтому будут вынуждены искать партнеров со стороны незападного блока.

- Многополярность мира и демократизация международных отношений ускорятся. Европейцы и американцы отчетливо осознают тенденцию многополярности, на которую трудно оказывать влияние, однако им потребуется время, чтобы это принять. США, считая себя самой могущественной страной, разрушают созданный ими ранее либеральный международный порядок, шокируя этим остальные западные страны. Одновременно подавляющее большинство стран мира придерживаются многосторонности с ООН в качестве ядра. Автор ссылается на механизмы, которые жизнеспособны без участия США, включая Всестороннее региональное экономическое партнерство, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и др. Таким образом, разрушение старого миропорядка может способствовать сближению западного и незападного миров.

Саммит БРИКС в Бразилии в 2025 г.: будут ли неприятные последствия или эффект расширения откладывается?
(2025 브릭스 브라질 정상회의: 확장 효과의 지연 또는 역효과?)

Институт иностранных дел и национальной безопасности
Institute of Foreign Affairs and National Security (IFANS)

Кан Сон Джу (강선주), профессор кафедры международной торговли, экономики и исследований безопасности

29.08.2025. URL: <https://www.ifans.go.kr/knda/ifans/kor/pblct/PblctView.do?srfPreventionSalt=null&pblctDtaSn=14577&menuCl=P01&clCode=P01&koreanEngSe=KOR&pclCode=&chcodeld=&searchCondition=searchAll&searchKeyword=&pageIndex=1>

Теги: #Южная Корея #БРИКС #США

В последние годы в Южной Корее неоднократно поднимался вопрос о необходимости диверсификации внешнеполитических связей страны для укрепления стратегической стабильности в условиях непредсказуемой политики президента США Д. Трампа. В этом направлении ориентирована и данная статья, автора которой интересуют перспективы БРИКС+ в контексте саммита 2025 г. Несмотря на возникающий интерес Сеула к БРИКС+, потенциальное сотрудничество в ближайшие годы представляется маловероятным из-за восприятия данного объединения как «антизападного конфронтационного блока во главе с КНР и Россией», а также нежелания политического руководства РК ухудшать отношения с США.

Кан Сон Джу отмечает, что БРИКС+ обладает огромным экономическим и ресурсным потенциалом, объединяя 45% населения мира, 35% мирового ВВП (по паритету покупательной способности) и 42% мировой добычи нефти. В статье автор анализирует результаты и условия прошедшего в июле 2025 г. саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро.

По мнению исследователя, политика Д. Трампа «Америка прежде всего» способствует расколу и ослаблению «коллективного Запада», что ведет к становлению многополярной международной системы и создает благоприятные условия для развития альтернативных форматов. Оценивая последствия саммита 2025 г., а также перспективы, автор отмечает, что БРИКС+ придерживается антизападной позиции из-за России и КНР, занимающих в объединении ключевые позиции. Тем не менее автор также отмечает, что кон-

фликт на Украине и стратегическое соперничество между Китаем и США подрывают единство стран по этому вопросу.

Кан Сон Джу подчеркивает, что с расширением блока до формата БРИКС+ конфликты между первоначальными членами лишь усугубились. В качестве одного из спорных вопросов автор выделяет будущее объединения – либо как антизападного конфронтационного блока (направление, на котором настаивают КНР и Россия), либо как площадки (не обязательно антизападной), представляющей интересы Глобального Юга. Более того, Кан Сон Джу считает, что отсутствие коллективного ответа от стран БРИКС+ на политику давления, проводимую Трампом, – это еще один показатель существующих между странами политических разногласий, а основная пятерка стран БРИКС будет уделять первоочередное внимание защите собственных интересов. Автор предполагает, что будущее объединения определит саммит в Индии в 2026 г., так как он покажет, насколько сильны политические трения между Индией и Китаем и смогут ли эти страны сотрудничать в условиях продолжающегося стратегического соперничества.

С учетом этого в качестве рекомендаций автор предлагает Южной Корее диверсифицировать торговые и политические отношения в ответ на непредсказуемую политику президента Трампа и укреплять отношения со странами-единомышленниками. Кан Сон Джу подчеркивает, что вступление Сеула в БРИКС+ не соответствует его политическим целям, может нанести ущерб нейтральной репутации РК и негативно повлиять на отношения с США. Поэтому вместо укрепления дипломатических отношений с объединением исследователь рекомендует выстраивать партнерские отношения с отдельными странами БРИКС+.

Корейский институт военного дела
(Korea Institute for Military Affairs, KIMA)

Чон Кенчжу (전경주), директор отдела исследований в области безопасности на Корейском полуострове KIDA

Август 2025 г. URL: https://www.kima.re.kr/en/publication.html?html=4-3-2.html&ho=143&b_c=2&s=14

Теги: #Южная Корея #АТР #США #КНДР #ИИ

После подписания Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР в Южной Корее неоднократно высказывалось мнение, поддержанное и в этой статье, о том, что такое сотрудничество будет угрожать национальной безопасности РК. Исходя из этого вероятно, что в ближайшие годы Южная Корея продолжит укреплять сотрудничество с США и НАТО, а также делать ставку на развитие высокотехнологичных систем обороны, включая системы, основанные на искусственном интеллекте.

Отправка Пхеньяном войск в зону СВО продолжает вызывать беспокойство южнокорейских военных и экспертов. Чон Кенчжу считает, что Северная Корея сможет извлечь из этой ситуации большую экономическую выгоду, в том числе в виде иностранной валюты и продовольствия. Второй важной выгодой для КНДР является, по мнению автора, получение северокорейской армией реального боевого опыта. Этот опыт позволит северокорейским военным улучшить стратегию и навыки принятия решений на местах.

Кроме того, автор ожидает, что в КНДР будут интенсивно развиваться беспилотные системы и опыт их использования в зоне СВО поможет повысить способности северокорейских военных. Автор считает, что использование БПЛА в контексте современного гибридного формата ведения войн и боевых действий найдет отражение в военной доктрине Северной Кореи.

Чон Кенчжу отмечает, что после подписания Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР у России появилась возможность напрямую влиять на ситуацию на Корейском полуострове и принять участие в конфликте в случае его возникновения. Следовательно, сотрудничество России и КНДР воспринимается автором как угроза безопасности РК. Он отмечает, что если Россия передаст Северной Корее передовые военные технологии (разведывательные спутники, гиперзвуковые ракеты, РГЧ ИН и атомные подводные лодки), то спутниковые системы позволят КНДР улучшить системы слежения и наведения, а сверхзвуковые ракеты снизят эффективность южнокорейских и американских ракет-перехватчиков.

В качестве ответных действий на возникшую угрозу автор выделяет:

- развитие сотрудничества с европейскими странами и НАТО;
- разработку вместе с США стратегии сдерживания КНДР, включая проведение совместных военных учений. Такая стратегия должна обязательно учитывать риск вмешательства и поддержки КНДР со стороны России и не исключать возможности того, что конфликт может развернуться одновременно с кризисом на Тайване;
- эффективное использование гражданского сектора экономики для развития оборонного потенциала РК: поддержка передовых технологий и научных разработок, включая технологии с использованием ИИ, системы РЭБ, создание системы «Объединенного комбинированного управления и контроля» и развитие собственных комплексов БПЛА.

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Китай

Согласованные действия: соединение преимуществ радиолокационных подразделений ВВС НОАК для формирования плотной противовоздушной сети

(协同出击！空军雷达某旅优势互补织密防空“天网”)

Китайская военная сеть
(中国军网)

Ли Ючжи (李由之) и Ван Лунхуэй (王龙辉), специальные корреспонденты, аналитики Китайской военной сети

24.08.2025. URL: http://www.81.cn/bz_208549/16404565.html

Теги: #Китай #ВВС #Командование и контроль

Подобные учения, описанные в данном материале с официального портала Народно-освободительной армии Китая (НОАК), отражают общую тенденцию модернизации НОАК: повышение взаимозаменяемости и интеграции подразделений, ориентация на вседоменную оборону и способность к быстрому реагированию. Особенно важно то, что акцент в учениях сделан на устойчивости к современным вызовам – прежде всего на противодействии беспилотным системам и электронному подавлению. Объединение мобильных и стационарных звеньев в единую сеть демонстрирует переход от классической системы ПВО к гибкой архитектуре, что соответствует общему вектору подготовки НОАК к «интеллектуализированной войне». Для Китая это также элемент укрепления стратегической противовоздушной зонтичной обороны, которая должна защищать критически важные районы и обеспечивать свободу действий в условиях вероятного высокотехнологичного конфликта.

В августе 2025 г. одно из радиолокационных соединений ВВС НОАК провело учения, в которых впервые в полном формате были объединены мобильное подразделение и личный состав стационарной РЛС в единый боевой расчет с использованием одинакового типа техники. Такой подход позволил объединить преимущества разных звеньев: мобильные группы обладают богатым опытом маневров, но ограниченным временем участия в боевом дежурстве, в то время как стационарные подразделения имеют значительный опыт обработки сложной воздушной обстановки, но хуже приспособлены к новым условиям. В результате совместная подготовка должна устранить эти дисбалансы и повысить общую устойчивость системы.

Сценарий учений включал отражение налета вражеских беспилотников и работу в условиях интенсивных электромагнитных помех. Радиолокационные расчеты отработали алгоритмы противодействия, включая оперативное распознавание типа помех, корректировку параметров и восстановление нормальной работы РЛС. Одновременно мобильное подразделение обеспечивало маскировку техники для ухода от воздушной разведки.

На следующем этапе была отработана ликвидация диверсионных повреждений коммуникаций: ремонтные группы оперативно восстановили связь в ночное время. Финальная стадия предусматривала экстренную смену позиции с развертыванием на резервной площадке и немедленным возобновлением боевой готовности.

По итогам учений было отмечено, что ключевым принципом подготовки ВВС НОАК и других родов войск китайской армии становится ориентация на «трудные и жесткие» сценарии, максимально приближенные к реальному бою. Руководство соединения подчеркивает: только в условиях серьезной подготовки можно обеспечить способность подразделений действовать в режиме высокой маневренности и успешно выполнять задачи в условиях динамичного боя.

По мнению аналитиков, данные учения напрямую связаны с китайской концепцией «интеллектуализированной войны (боя)» (智能化战争), в рамках которой ключевыми становятся не столько численность и огневая мощь, сколько способность систем быстро адаптироваться к меняющимся условиям и эффективно использовать данные в реальном времени. Совмещение мобильных и стационарных РЛС в единой сети – это шаг к построению распределенной, саморегулируемой системы, где алгоритмы анализа воздушной обстановки, противодействия помехам и скрытности дополняют человеческий фактор. Подобная интеграция рассматривается в Пекине как основа для формирования вседоменной обороны, где оборонительные и наступательные возможности объединяются в гибкую систему управления.

В этом смысле данные тренировки можно рассматривать не просто как локальную оптимизацию, а как практическую апробацию будущих элементов «интеллектуализированной войны», к которой НОАК системно готовится, судя по характеру недавних учений и активно текущим процессам «информатизации» (信息化) и «интеллектуализации» (智能化) вооруженных сил.

Китай

ИИ-система определения местоположения объектов - «всевидящее око» будущего поле боя (AI目标定位系统——未来战场上的“火眼金睛”)

Военная рубрика «Жэньминь жибао»
(人民网军事频道)

Чжан Шихун (张诗宏) и Чэнь Лихуэй (陈李辉), военные обозреватели
«Жэньминь жибао»

26.08.2025. URL: <https://military.people.com.cn/n1/2025/0826/c1011-40550239.html>

Теги: #Великобритания #ИИ #Система локализации объектов #Военные технологии

Современные государства вступают в фазу подготовки к трансформации военных практик, где ключевым направлением становится интеграция искусственного интеллекта в системы целеуказания. Показательным примером служит активизация британского проекта ASGARD, который был профинансирован министерством обороны в размере свыше 1 млрд фунтов стерлингов. Анализ показывает, что ряд западных стран уже реализуют аналогичные разработки, что обеспечивает им преимущество в оперативном сборе и обработке разведывательной информации. Концептуальная основа таких проектов опирается на развитие трех направлений, включая мультимодальное слияние данных, периферийные вычисления и повышение автономности систем, позволяющих осуществлять обнаружение и поражение объектов в течение нескольких минут. Однако технологическое превосходство сопровождается существенными ограничениями, связанными с непрозрачностью алгоритмов («эффект черного ящика») и их уязвимостью к манипуляции исходными данными, что создает риск дезинформации и ошибочной идентификации объектов. В то же время развитая сеть беспилотных летательных аппаратов и прогресс в области машинного и глубокого обучения в Китае позволяют предположить, что при должном укреплении киберзащиты и изучении новых технологий страна способна укрепить свои позиции в потенциальных конфликтах, управляемых систем.

Авторы затрагивают тему активизации разработки системы локализации объектов со встроенным искусственным интеллектом (ИИ) армией Великобритании под названием ASGARD. Главная задача этого устройства – за несколько минут определить местоположение и захватить цель с использованием передовых коммуникационных сетей и новых алгоритмов, что значительно повышает эффективность нанесения ударов на больших расстояниях. Как сообщается, данный проект получил поддержку со стороны министерства обороны Великобритании в размере свыше 1 млрд фунтов стерлингов (приблизительно 1,3 млрд долл. США). Китайские эксперты подчеркивают, что подобные системы на основе ИИ, обладающие высокой точностью, становятся одним из важнейших направлений НИОКР в военно-технической сфере многих стран.

Эксперты описывают, что основная функция такого механизма – это автоматическое распознавание конкретных объектов, вычисление их координат и классификация атрибутов. Ключевой процесс лежит в основе сбора данных через сенсоры (камеры, радары) об окружающей обстановке с последующим анализом и обработкой этих данных для идентификации целей по заранее заданным категориям. В период холодной войны, когда проводились первые исследования технологий обнаружения объектов, созданные модели опирались на жестко заданные правила, были довольно ограниченными в обработке информации, зависели от условий окружающей среды и не справлялись с замаскированными целями. Развитие машинного обучения на рубеже XX–XXI вв. стало переломным моментом в контексте модернизации ИИ-систем, повысив скорость распознавания сооружений и эффективность выдачи разведывательной информации. Следующий значительный прорыв – появление моделей глубокого обучения, благодаря чему появились технологии сверточной нейронной сети (convolutional neural networks). Разработчики создали алгоритм с многоуровневым извлечением признаков изображения, достигая распознавания труднодоступных целей и сосредотачиваясь на внедрении интеллектуального принятия решений.

Авторы выделяют три основных направления в исследованиях современных ИИ-систем локализации данных: мультимодальное слияние данных, периферийные вычисления и повышение автономности программы. Основная задача – уход от анализа единственного источника, система должна комплексно обрабатывать многочисленные показатели для составления полной картины. Авторы приводят в пример разработку НАТО, которая осуществляла параллельный сбор видеоданных с беспилотников, перехваченных радиосигналов и информации из социальных сетей для определения точного местоположения стратегически важных целей. Еще один важный аспект заключается в исключении необходимости полагаться на руководство оператора. В исследовательской лаборатории ВВС США (AFRL) реализуется проект «Золотая Орда» (Golden Horde), который путем использования сетевых технологий позволяет беспилотникам взаимодействовать автономно, повышая их оперативную гибкость. Корреспонденты заключают, что обладание подобной ИИ-системой дает стране особое преимущество в кибервойне, ссылаясь на британскую разработку ASGARD – конкретное воплощение данной тенденции.

Эксперты отмечают, что существует несколько узких мест из-за сложной архитектуры алгоритмов глубокого обучения, поскольку процесс анализа недостаточно прозрачен и объясним, такая ситуация порождает эффект «черного ящика». Оператор не получает доступа к внутреннему механизму определения цели в качестве важного военного объекта, а не гражданского сооружения. Также ИИ-система распознавания остается в критической зависимости от данных, поэтому ее эффективность останется низкой, если полученная информация с поля боя отсутствовала при обучении модели. Более того, противник может специально вводить систему в заблуждение путем воздействия на ее сенсоры для последующей генерации ложных целей и ошибочной оценки обстановки оператором. Поэтому при надлежащем развитии соответствующих технологий и построении систем защиты кибербезопасности можно гарантировать, что ИИ-система локализации объектов в условиях большого объема данных и противодействующих угроз сохранит способность к высокоточному распознаванию, что сравнивается авторами со «всевидящим оком» театра военных действий будущего времени.

Корейский институт военного дела
(Korea Institute for Military Affairs, KIMA)

Квон Менгук (권명국), приглашенный научный сотрудник KIMA, бывший командующий противовоздушной и противоракетной обороной ВВС РК

Август 2025 г. URL: https://www.kima.re.kr/en/publication.html?html=4-3-2.html&ho=143&b_c=2&s=14

Теги: #Южная Корея #АТР #США #Бесконтактная война #ИИ

Внедрение искусственного интеллекта в военные системы и разработка смертоносных автономных систем – это технология, которая потенциально может дать владельцам значимое военное преимущество. С учетом интереса Южной Кореи к сотрудничеству с США и НАТО в сфере оборонных технологий возможно развитие сотрудничества и в сфере внедрения искусственного интеллекта в военные системы, совместная разработка смертоносных автономных систем, а также выработка этической и правовой базы.

Квон Менгук анализирует успех системы противоракетной обороны Израиля, отмечая, что интегрированная система ПВО показала себя гораздо более эффективной, чем у южнокорейских вооруженных сил, где средства ПВО распределены и эксплуатируются каждым отдельным военным подразделением.

Среди вызовов автор указывает на появление новых технологических видов вооружения (БПЛА, гиперзвуковых ракет, РЭБ), а также на использование большого количества дронов, управляемых искусственным интеллектом (ИИ), по типу роя для обхода систем ПВО. Среди наиболее серьезных угроз также отмечается использование «комбинированной стратегии», под которой подразумевается одновременный запуск большого числа снарядов разного рода с разных направлений, высот и расстояний. Серьезной проблемой остается соотношение стоимости и эффективности традиционных систем.

В качестве лучшего метода борьбы с такого рода вызовами автор выдвигает создание интеллектуальной, интегрированной, многоуровневой системы защиты на основе ИИ (такой подход позволит сохранить скорость, точность и эффективность систем ПВО). Среди преимуществ интегрированной системы ПВО на основе ИИ указывается увеличение скорости обнаружения, распределения целей и реагирования за счет сетчатой, а не линейной структуры, а также возможность внедрения технологий РЭБ в подконтрольные ИИ вооружения.

Квон Менгук отмечает, что необходимо улучшить эффективность корейской системы ПВО. Среди проблем, характерных для южнокорейской системы ПВО, автор отмечает:

- фрагментированную структуру командования и отсутствие оперативной совместимости, что затрудняет обмен информацией в режиме реального времени;
- устаревшую операционную систему ПВО, которая ориентирована в основном на высокоскоростные цели, но не на низкоскоростные и небольшие БПЛА на малой высоте или малозаметные цели;
- высокую стоимость перехвата большого количества БПЛА при помощи ракет-перехватчиков (вместо более эффективной нейтрализации по низкой цене при помощи НРМ или лазерного оружия);
- отсутствие этического и правового контроля в сфере систем ПВО с ИИ;
- технические ограничения, для преодоления которых и создания эффективной сети ПВО необходимы постоянные инвестиции.

Исследователь указывает, что в ближайшем будущем корейская система ПВО должна превратиться в «многоуровневую интегрированную адаптивную сеть», которая будет способна реагировать на различные воздушные угрозы, в том числе космические. Автор выделяет шесть необходимых шагов:

- 1) создание интегрированной системы управления ПВО на основе ИИ;
- 2) внедрение инноваций в методах обучения систем ПВО, включая использование синтетической тренировочной среды (STE) и виртуальной реальности (VR/AR);
- 3) разработка новых средств перехвата и создание средств радиоэлектронной борьбы на основе ИИ;
- 4) создание модульных, адаптируемых и переносимых систем (MOSA) для обеспечения быстрого и эффективного обновления технологий и ускорения технологических инноваций;

5) ускоренное внедрение передовых технологий в оборонный сектор, включая связь 5G/6G, облачные технологии и программное обеспечение;

6) срочное создание этической и правовой базы, которая обеспечила бы эффективный контроль со стороны человека над ИИ. Автор отмечает риск предвзятости алгоритмов ИИ, а также призывает РК присоединиться к принципам ответственного использования ИИ, определенным НАТО: законности, подотчетности и объяснимости, надежности, управляемости и смягчению предвзятости.

США

Почему самые передовые армии мира так сильно отстали от реалий войны дронов (How did the world's most sophisticated military fall behind with drone warfare)

Центр новой американской безопасности
(Center for a New American Security, CNAS)

Майкл Хирш (Michael Hirsh), бывший зарубежный редактор и ведущий дипломатический корреспондент для Newsweek и бывший национальный редактор газеты Politico.

28.08.2025. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2025/08/27/pentagon-drone-technology-deficiency-00525058>

Теги: #Дроны #США #Пентагон #Современная война

Данная статья, подготовленная экспертом CNAS и опубликованная в газете Politico, несмотря на свой заголовок, анализирует текущее состояние сферы дронов только в ВС США. Автор подробно рассматривает нынешнюю ситуацию, активно ссылаясь на мнения различных экспертов в этой области, а также на мнения официальных лиц. Справедливо отмечается, что из-за бюрократизма Пентагона адаптация ВС США к современному полю боя идет мучительно медленно. По мнению обозревателя, США явно отстают в этой сфере, особенно по сравнению с Украиной и Россией. М. Хирш обоснованно заключает, что США находятся в догоняющем положении и делают ставку на оборону от дронов, а не на их наступательный потенциал. Отдельно стоит отметить, что автор обращает внимание на целый ряд аспектов, связанных со спецификой этой сферы в США. Интересна данная статья тем, что представляет собой краткий, но в целом исчерпывающий анализ крайне важной сферы на современном поле боя. За счет того что автор приводит большое количество различных экспертных оценок и комментариев, ему удается прийти к взвешенному и политически нейтральному выводу.

М. Хирш начинает свою статью с цитаты заместителя начальника штаба сухопутных войск США генерала Дж. Мингуса, который считает, что дроны сегодня представляют такую же угрозу, как СВУ в Ираке 20 лет назад, и что США значительно отстают в этой сфере. Он также проводит параллель между историей с машинами MRAP и текущей ситуацией с дронами. По его мнению, сферу БПЛА постигает та же участь, что постигла вышеупомянутые машины, когда из-за нежелания тратить деньги на закупку и разработку, а также из-за бюрократизма Пентагона данные машины были введены в дело намного позже, чем это было необходимо. Хирш подчеркивает важность дронов как неотъемлемой части современного поля боя на примере ВСУ, которые «успешно уничтожили значительное число БТВТ ВС РФ, а также некоторое количество стратегической авиации» при помощи БПЛА.

При этом, несмотря на важность данной сферы, автор отмечает, что Пентагон только-только начал работы в этой сфере. Он приводит мнения офицера резерва США и профессора стратегических исследований в Школе передовых методов ведения боевых действий при Университете корпуса морской пехоты США Б. Дженсена и директора оборонительной программы Центра новой американской безопасности С. Петтиджон, которые считают, что США очень серьезно отстали в этой сфере и что у них нет производственной базы для дронов, подобных китайской корпорации DJI. При этом, как подчеркивает уже Т. Эменекер, подрядчик для одной из программ Пентагона по разработке дронов, «США очень сильно до сих пор полагаются на китайские компоненты для дронов», а качественных американских аналогов попросту нет, так как денег на подобные программы выделялось недостаточно.

Отвечая на вопрос, почему же США так сильно отстали в этой сфере, будучи «мировым золотым стандартом в оборонных инновациях», Хирш приводит мнение бывшего старшего советника П. Хегсета – Д. Калдвелла. Он считает, что всему виной возраст генеральского состава, так как «генералы всегда мыслят прошлой войной». По его мнению, в Пентагоне и в генеральском составе ВС США по-прежнему много людей, чей формирующий опыт был в операции «Буря в пустыне», в Ираке или Афганистане. К тому же Пентагон традиционно отдает приоритет «главным престижным программам закупок», таким как F-35, ракетная программа Sentinel и т.п. Более того, проблеме дронов, по его словам, уделяется слишком мало внимания, несмотря на выделенные огромные ресурсы. Так, в новом бюджете Пентагона под дроны выделено 179 млрд долл. для R&D и различных исследований по БПЛА и автономному оружию, однако как будет распределяться бюджет и кто за что будет отвечать, до сих пор не известно.

Затем автор рассматривает еще один аспект отставания – крайне медленное изменение военной доктрины и военного мышления в ВС США. Так, в июле 2025 г. ВС США провели первый сброс гранаты с дрона. По мнению некоторых экспертов, дронная революция недостаточно меняет мышление о фундаментальных путях ведения войны. Так, армия отказывается от существенных изменений в политике в отношении военнослужащих и персонала для формирования специалистов по дронам. При этом в морском корпусе США, по словам Хирша и различных официальных лиц, мнения которых он приводит, происходит то же самое. Он также очень отстает в вопросе применения дронов на современном поле боя. Тем не менее изменения постепенно происходят. Так, начиная с сентября в программу подготовки морпехов войдет обучение размещению БПЛА, а флот планирует размещать рои дронов для защиты Тайваня от потенциального китайского вторжения.

Далее Хирш отмечает, что пилотная программа БПЛА Replicator, по которой разрабатываются технологии роев дронов, только начала развиваться, хотя была начата еще при администрации Дж. Байдена. По словам одного из разработчиков данной программы – М. Хоровитца, на нее выделили всего 500 млн долл. в 2023 г., отдавая предпочтение F-35 или танкам. Хоровитц, мнение которого цитирует автор, считает, что дроны и ИИ будут формировать характер будущей войны и что они становятся неотъемлемой частью войны будущего. Тем не менее автор подчеркивает, что никто не собирается выигрывать войну одними лишь БПЛА. В дополнение Хирш приводит мнение отставного полковника Э. Плаффа, который считает, что дроны не являются сложным, дорогим и высокотехнологичным оружием, но что их сила именно в количестве и дешевизне. Приводится и мнение специалиста по безопасности Дж. Хакмеха, который полагает, что «превосходство» Украины в дронах заключается в том, что они способны «систематически обгонять» РФ в инновационном цикле. Однако Хирш еще раз отмечает, что Пентагон до сих пор не назначил ответственного за дроны и общую трансформацию асимметричной войны и что США значительно отстают по темпу и количеству производства дронов в сравнении с Украиной. К тому же автор цитирует экспертные отчеты, согласно которым США по всем параметрам не смогут выиграть дронную войну с Китаем. В этой связи Вашингтон придерживается «оборонительного» подхода к развитию беспилотных технологий вместо «наступательного». По его словам, одной из самых больших проблем для Пентагона будет вопрос о том, станет ли новая дронная программа Хегсета проходить через устаревшую программу PPBE (planning, programming, budgeting, execution), которая была создана еще для военного строительства времен холодной войны и которая займет годы для получения одобрений на производство.

Автор резюмирует, что нынешний глава Пентагона должен послать четкий сигнал и приложить усилия для избавления от бюрократических и бюджетных барьеров, чтобы данный процесс прошел гладко и быстро.

Китай

НОАК черпает силы из великого духа антияпонской войны (从伟大抗战精神中汲取奋进力量)

Китайская военная сеть
(中国军网)

Ху Цзин (胡静) и Сюй Хунъюань (徐弘源), специальные корреспонденты, аналитики Китайской военной сети

31.08.2025. URL: http://www.81.cn/yw_208727/16406618.html

Теги: #Китай #Обучение #Командование и контроль

Материал, опубликованный на официальном портале Народно-освободительной армии Китая (НОАК), посвящен практической имплементации политики исторической памяти в Китае, выстроенной как инструмент легитимации нынешнего курса Си Цзиньпина и КПК и мобилизации общества вокруг идеи национального возрождения. В центре данного направления внутренней политики – отбор и интерпретация ключевых событий XX в., прежде всего войны с милитаристской Японией, которая закреплена в официальной риторике как священная война всего народа и главный источник национального единства. Антияпонская война занимает особое место: она трактуется как переломный момент, когда китайский народ, ведомый Коммунистической партией, смог выстоять перед лицом внешней агрессии и внести решающий вклад в победу антифашистской коалиции. Апелляция к духу антияпонской войны позволяет Пекину подчеркивать собственную историческую правоту, продемонстрировать жертвенность и героизм нации, а также проводить прямые параллели с современными вызовами, где требуется та же сплоченность и готовность к сопротивлению. Таким образом, эта война и память о ней становятся не только фундаментом национальной идентичности, но и важным ресурсом для укрепления патриотического воспитания, военной мобилизации и внешнеполитического позиционирования КНР как великой державы.

Так называемый «великий дух антияпонской войны» представляет собой одно из ключевых духовных достояний современного Китая и одновременно является фундаментом для идейного и организационного строительства вооруженных сил в новую эпоху. Си Цзиньпин подчеркивает, что этот дух сформировался в ходе национальной борьбы за выживание и вобрал в себя несколько центральных компонентов: патриотическое чувство ответственности за судьбу страны, готовность к самопожертвованию и стойкость перед лицом угрозы порабощения, несгибаемую решимость вести борьбу до конца, а также глубокую веру в справедливость и неизбежность победы.

В ситуации смертельной опасности именно эти качества превратились в цементирующую силу, обеспечившую консолидацию общества, превращение миллионов простых людей в участников национального сопротивления и создание непреходящего символа стойкости китайской нации. В официальной интерпретации КПК этот дух является не только историческим наследием, но и живым источником, обеспечивающим идейную подпитку для модернизации вооруженных сил, что позволяет вписывать опыт антияпонской войны в стратегию возрождения китайской нации и создания армии «мирового уровня».

В условиях национального кризиса и угрозы исчезновения государства в народе пробудилась тысячелетняя традиция 天下兴亡、匹夫有责 («Когда страна в опасности, каждый несет ответственность»). От крика «Не быть рабами!» до массовой мобилизации миллионов на сопротивление, глубокая приверженность Родине стали основой духа сопротивления китайцев. КПК сыграла роль «срединного столпа»: подняла знамя вооруженной борьбы, создала антияпонский единый фронт, открыла фронты в тылу противника и возглавила борьбу за выживание нации. Подвиги «пяти героев горы Ланъяшань», смерть в бою Ян Цзинъюя, победы в сражении при Пинсингуане и в «ста сражениях» стали живыми символами этого духа.

Важнейшую роль сыграл и народ: крестьяне, рабочие, интеллигенция и торговцы в едином порыве поддерживали армию, создавая сеть сопротивления – от детских союзов и женских организаций до народных форм партизанской войны (минные атаки, тоннельная война, засады). Так формировалась «мореобразная» мощь всенародной борьбы.

Дух антияпонской войны также имел международное измерение: помощь Н. Бетьюна, советских летчиков-добровольцев¹, участие китайских экспедиционных войск в Бирме подчеркнули ее связь с глобальной антифашистской борьбой.

Этот дух обеспечил уникальную сплоченность нации, которая превратилась в непреступную «стену». Он вызвал к жизни боеспособность, которая, несмотря на техническое отставание, позволила противостоять сильнейшему врагу. Он закалил несгибаемую стойкость, помогая выносить чудовищные потери и продолжать борьбу. Он укрепил веру в победу: даже в самые темные времена звучали слова «Китай не погибнет» и гимн «Марш добровольцев». Он доказал свою непреходящую притягательную силу: любовь к Родине, героизм, вера в победу стали частью национальной идентичности.

В современной китайской армии этот дух рассматривается как фундамент. Он требует от военных НОАК абсолютной преданности партии, готовности к самопожертвованию, непрерывного совершенствования боевых навыков и дисциплины. Он предполагает наследование традиций стойкости, готовность к научным прорывам и инновациям – как в годы войны, когда приходилось искать и изобретать новые тактики в условиях нехватки ресурсов (человеческих, материальных, технических).

Современные вызовы – это уже не только масштабные традиционные войны, но и комплексная «интеллектуализированная война», где важны технологии, искусственный интеллект и киберпространство. Но логика та же: для того чтобы повысить готовность к ней, нужно изучать военную историю, вырабатывать стратегическую устойчивость, укреплять связь армии и народа.

---

¹ Примечание автора. Помощь Советского Союза Китаю в ходе Второй мировой войны была более значительной, чем указано в данном материале. Более 300 советских пилотов воевали в составе китайских ВВС и участвовали в обороне Уханя, Чунцина и Нанкина от японских бомбардировок; СССР поставил Китаю около 900 самолетов, 1 тыс. артиллерийских орудий, 82 танка, а также другую военную технику, оружие и боеприпасы; после капитуляции нацистской Германии СССР полноценно вступил в войну против Японии в августе 1945 г. – Советская армия помогла уничтожить Квантунскую армию в рамках Маньчжурской операции. Интересно, что Китай также помогал Советскому Союзу в борьбе с нацистской Германией: например, Мао Аньинь, старший сын Мао Цзэдуна, воевал за СССР во время Второй мировой войны – он добровольно вступил в Красную армию и служил в танковых войсках. Эти тезисы регулярно подчеркиваются лидерами двух стран и презентуются в качестве подтверждения тесной дружбы и взаимного доверия.

Observer Research Foundation (ORF)

Сумья Авасти (Dr Soumya Awasthi), научный сотрудник Центра безопасности, стратегии и технологий Observer Research Foundation.

01.08.2025. URL: <https://www.orfonline.org/research/pakistan-and-china-s-collusive-grey-zone-warfare>

Теги: #Индия #Китай #Пакистан #Серая зона #Гибридная война #Кибербезопасность #Информационная война #Прокси #Национальная безопасность

Ключевая проблематика материала ORF – это институционализированное взаимодействие Китая и Пакистана в «серой зоне», включающее координацию киберопераций, дезинформационных кампаний, «правовой войны» (lawfare) и применения БПЛА для давления на Индию без перехода к открытому столкновению. Автор показывает, что в данной плоскости для Индии характерна фрагментарность и недоработанность доктринальной составляющей оборонной стратегии, а также недостаток внимания к направлению гибридных войн. Несмотря на наличие отдельных институтов, в стране отсутствует единая командная рамка для противодействия гибридным угрозам, преобладает реактивный подход, а ключевые сферы – кибербезопасность, РЭБ, ИПСО и космос – слабо интегрированы. Хотя тон публикации можно в некоторой степени считать алармистским, особенно в контексте упора автора на высокую институционализированную согласованность действий Китая и Пакистана, указанные проблемы являются системной уязвимостью для Индии в вопросах безопасности.

Проблемы ведения войны в «серой зоне» чрезвычайно актуальны для РФ, вовлеченной в конфликт на Украине и длительную «подпороговую» конфронтацию со странами Запада. Индийские дискуссии о выработке подходов и институционализации инструментов, позволяющих эффективно вести войны в «серой зоне», отражают общие для многих стран вызовы по адаптации к современным конфликтам, которые становятся сложнее и технологичнее, предполагая огромный фронт работ за пределами физического «поля боя».

Война в «серой зоне» (GZW) – это пространство между миром и открытым конфликтом, в котором государства преследуют стратегические цели с помощью двусмысленных и отрицаемых средств, таких как кибератаки, экономическое принуждение и дезинформация, намеренно избегая эскалации, которая могла бы спровоцировать конвенциональный военный ответ. Как отмечает автор, эта концепция перекликается еще с древнеиндийской стратегической философией, в частности с трактатом Каутильи «Артхашастра» (IV в. до н.э.), где описывается термином «тушним юддха» («тихая война»). В отличие от традиционной войны она ведется скрытно, с помощью шпионажа, обмана и саботажа, чтобы ослабить противника без прямого столкновения.

Стратегическая привлекательность войны в «серой зоне»

В эпоху после холодной войны геополитические конфликты сместились в «подпороговую» область – неоднозначное пространство между миром и войной. По мнению автора, государства, подобные Пакистану и Китаю, предпочитают войну в «серой зоне», поскольку она позволяет достигать стратегических целей, не опасаясь последствий, и эксплуатирует приверженность демократических стран, таких как Индия, моральным и правовым нормам.

Война в «серой зоне» обладает четырьмя ключевыми характеристиками, которые делают ее привлекательной.

1. Возможность отрицания и двусмысленность. Это самая привлекательная черта, позволяющая государствам инициировать кибератаки или поддерживать прокси-силы, а затем отрицать свою причастность, что предотвращает ответные действия. Примерами служат поддержка Пакистаном террористических групп в Кашмире и неотслеживаемые кибероперации Китая.

2. Экономическая эффективность и асимметрия. Тактики «серой зоны» не требуют значительных инвестиций по сравнению с полномасштабной войной. Например, недорогие беспилотники, используемые Пакистаном для переброски оружия, могут иметь стратегический эффект при минимальных затратах. Аналогично Китай использует рыболовные флотилии в Южно-Китайском море для утверждения своих претензий, избегая прямого военного столкновения.

3. Правдоподобная легитимность и правовые «серые зоны». Такие операции используют пробелы в международном праве, что затрудняет ответные действия. Кампании по дезинформации, направленные на дестабилизацию, могут маскироваться под «правозащитную деятельность», что усложняет реакцию на международных площадках.

4. Психологическая война и подрыв изнутри. GZW направлена на подрыв стабильности внутри страны-цели путем использования ее внутренних разногласий – этнических, религиозных или идеологических. Это особенно актуально для Индии с ее многообразным обществом, где противники часто пытаются использовать внутренние линии разлома с помощью фейковых новостей и дезинформации.

Война в «серой зоне» между Индией и Пакистаном

Конфликт между Индией и Пакистаном все больше смещается из области конвенциональных войн в сферу скрытых, субконвенциональных конфликтов. Война в «серой зоне» со стороны Пакистана носит не эпизодический, а структурный характер. Гибридная стратегия Пакистана сочетает кинетическое и некинетическое давление, бросая вызов конвенциональному военному превосходству Индии. Исламабад активно использует негосударственных акторов, дезинформацию, асимметричные методы и низкозатратные технологии для подрыва безопасности Индии, не провоцируя полномасштабной войны.

В статье выделяются три ключевые тактики, применяемые Пакистаном.

1. Терроризм как стратегический инструмент. На протяжении десятилетий пакистанская разведка (ISI) использует терроризм как инструмент государственной политики. Путем финансирования кашмирских повстанческих групп, трансграничных вторжений и городских террористических ячеек Пакистан ведет непрерывное наступление в «серой зоне». Эта стратегия позволяет создавать постоянную напряженность, сохраняя при этом возможность отрицания своей причастности для снижения международных дипломатических издержек.

2. Пропаганда и психологическая война. Пакистан использует государственные и прокси-медиа для распространения антииндийских нарративов. Через социальные сети, YouTube-каналы и фейковые сайты распространяется дезинформация о нарушениях прав человека в Кашмире с целью подорвать позитивный имидж Индии и усилить внутренние разногласия. Например, после отмены статьи 370 в 2019 г. Пакистан развернул цифровые кампании с использованием ботов и лидеров мнений для искусственного раздувания масштабов протестов. Также применяются дипфейки и онлайн-вербовка джихадистов.

3. Война с использованием беспилотников. С 2020 г. Индия фиксирует резкий рост числа вторжений беспилотников со стороны Пакистана вдоль границ в Пенджабе и Джамму. Эти БПЛА используются для сброса оружия, взрывчатки, наркотиков и фальшивых денег. В отличие от артиллерийских обстрелов дроны обеспечивают скрытность, точность и возможность отрицания причастности при низкой стоимости. В июне 2021 г. с помощью беспилотников была совершена первая в истории атака на индийскую военную базу в Джамму. Примечательно, что только в 2022 г. было зафиксировано более 300 пролетов БПЛА, многие из которых несли компоненты китайского происхождения. Это слияние намерений Пакистана и технологической поддержки Китая является типичным примером сговора в «серой зоне».

Связка Китай – Пакистан в войне в «серой зоне»

По мнению автора, стратегическое партнерство между Китаем и Пакистаном эволюционировало от традиционной военной поддержки до полномасштабной сговорной угрозы в «серой зоне». Их сотрудничество вышло за рамки формальных военных связей и превратилось в многоуровневый сговор, направленный на истощение, отвлечение и дестабилизацию Индии посредством постепенного принуждения. Как отмечает автор, в этом тандеме Пакистан выступает в роли «регионального нарушителя спокойствия», а Китай – в роли «технологического и финансового пособника». Вместе они создают синхронизированную двойную угрозу, действуя скоординированно в киберпространстве, проводя операции по цифровому влиянию и распространяя дезинформацию для дестабилизации индийской демократии и безопасности.

С точки зрения автора, данный сговор носит не эпизодический, а институционализированный и многосторонний характер. Он подкрепляется регулярными совместными военными учениями, альянсами в сфере кибершпионажа и обменом разведанными в реальном времени. Китай рассматривает Пакистан как прокси-силу для сковыивания индийских войск на западном фронте. Пекин активно вооружает Исламабад передовыми технологиями, которые формируют основу их совместных операций.

1. В космосе и навигации. Китайская спутниковая система BeiDou предоставляет Пакистану защищенные навигационные данные, что дает ему преимущество в наведении БПЛА и проведении пограничных операций. Космическое сотрудничество через спутники, такие как PakTES-1A и PAKSAT-MM1, поддерживает скоординированную разведку вдоль индийских границ.

2. В киберпространстве. Китай проводит обучение пакистанских хакеров, которые осуществляют атаки на индийские аналитические центры (например, MP-IDSA), СМИ и военные объекты. Примером служат скоординированные атаки на индийские электросети и банковские системы в 2024 г., в которых участвовали связанные с Китаем киберподразделения и пакистанские спецслужбы.

3. В сфере вооружений. Пекин поставляет Пакистану технологии двойного назначения, включая ударные дроны (CH-4), системы РЭБ и средства радиоэлектронной разведки (SIGINT). Разведка по открытым источникам подтверждает, что оружие и технологии китайского происхождения обнаруживаются у пакистанских прокси-группировок в Кашмире.

Ключевым элементом китайско-пакистанского сговора является систематическое установление контроля Китая над цифровой инфраструктурой Пакистана. С помощью проектов в рамках Китайско-пакистанского экономического коридора (СРЕС), таких как прокладка оптоволоконных кабелей компанией Huawei, Китай создает альтернативный, подконтрольный ему маршрут интернет-трафика. Это позволяет Пекину осуществлять слежку и фильтрацию данных в регионе. Кроме того, китайские госкомпании, например China Mobile, расширяют сети 4G в оккупированных Пакистаном Кашмире и Гилгит-Балтистане, тем самым укрепляя цифровой контроль Пекина над этими стратегически важными территориями.

Эта технологическая база используется для ведения совместной информационной войны. Китай и Пакистан проводят пропагандистские операции в реальном времени, используя дипфейки на основе ИИ, манипуляции в социальных сетях и прокси-НПО для искажения нарративов о выборах в Индии, ее экономической политике и ситуации в Кашмире. Данные усилия направлены на ослабление общественного доверия к демократическим институтам Индии и разжигание внутренней розни.

Таблица 1. Оценка дезинформационной и пропагандистской активности против Индии (2024 г.)

Страна	Фейковые новостные статьи	Дипфейк-видео	Рекламные объявления с дезинформацией	Основные темы
Китай	12 000	3 500	2 500	Экономическая нестабильность, пограничные споры, политические волнения
Пакистан	8 000	5 000	4 000	Конфликт в Кашмире, военная дезинформация, религиозная поляризация

На международной арене Китай и Пакистан часто синхронизируют свои дипломатические заявления для усиления давления на Индию. Они совместно лоббируют против предоставления Индии постоянного членства в Совете Безопасности ООН и используют международные юридические форумы, чтобы вовлечь Индию в «правовую войну» (lawfare) по поводу ее внутренней политики, при этом Китай часто поддерживает пакистанские нарративы о правах человека в Кашмире.

Потенциал Индии в «серой зоне»: успехи и недостатки

Автор отмечает, что подход Индии к войне в «серой зоне» эволюционирует от традиционной сдержанности к активному развитию некинетических и асимметричных возможностей. Страна осознает необходимость киберсдерживания, информационного доминирования и скрытого влияния. Для этого созданы такие институты, как Группа реагирования на компьютерные инциденты (CERT-In), Национальная организация технических исследований (NTRO) и Агентство киберобороны (DCyA). Развиваются возможности в космосе и радиоэлектронной борьбе (РЭБ), хотя они все еще уступают потенциалу «противников».

В области информационных операций Индия также наращивает свой потенциал: в 2021 г. были приняты правила для регулирования социальных сетей и цифрового контента, а вооруженные силы создали специальные подразделения для противодействия психологическим операциям. Новые военные доктрины, такие как Доктрина сухопутных войск (2018 г.) и Объединенная доктрина по операциям в киберпространстве (2024 г.), отражают сдвиг от реактивной к проактивной стратегии.

Таблица 2. Сравнение возможностей Индии, Китая и Пакистана применительно к войне в «серой зоне»

Возможности	Индия	Пакистан	Китай
Кибервойна	CERT-in, NTRO, ограниченные наступательные кибероперации	Средний уровень кибервозможностей, APT 36	Продвинутые возможности, APT 41, APTA, подразделение 61398
Космос / спутниковые операции	Спутники для ISR, недавний тест противоспутникового оружия (ASAT)	Поддержка со стороны Китая	Обширные военные космические возможности
Информационная война	Психологические операции, работа с медиа	Сети дезинформации, троллинг, хештег-кампании	Скоординированная дезинформация и «вооружение» соцсетей
Прокси/боевые группы	-	Lashkar-e-Taiba и Jaish-e-Mohammad	Аффилированные структуры НОАК
Дроны/БПЛА	Ударные и разведывательные беспилотники	Вооруженные дроны и трансграничное проникновение	Роевые системы беспилотников китайского производства

Несмотря на эти шаги, готовность Индии остается фрагментированной и преимущественно реактивной. Автор выделяет ряд серьезных недостатков.

1. Слабый наступательный потенциал. В отличие от китайских «киберополченцев» или пакистанской хакерской группы АРТ 36 Индия не имеет единой стратегии ведения наступательных киберопераций. Национальная политика кибербезопасности от 2013 г. устарела и требует пересмотра в свете новых угроз, таких как ИИ и квантовые вычисления.

2. Уязвимость инфраструктуры. Критически важная инфраструктура Индии остается уязвимой. Пограничное наблюдение, особенно для обнаружения и подавления беспилотников, является недостаточным. Индия также отстает от Китая в технологиях космического наблюдения.

3. Недостатки в информационной войне. Индия с трудом противостоит психологическим операциям противников. Ее цифровые кампании влияния лишены лингвистической и культурной глубины, а официальные СМИ слишком формальны, чтобы эффективно опровергать изоцированные вражеские нарративы.

4. Отсутствие интеграции. В стране нет единого командования или доктрины для операций в «серой зоне», что ограничивает синергию между различными ведомствами. Индии не хватает интегрированной силовой структуры подобной силам стратегической поддержки Китая (SSF) или гибридным подразделениям Пакистана под руководством ISI.

Рекомендации: укрепление устойчивости Индии

Для противодействия сговору Китая и Пакистана Индии необходимо перейти от реактивной к проактивной стратегической позиции. Это позволит повысить издержки для агрессоров и укрепить стратегическую автономию страны. Автор предлагает четыре ключевые меры.

1. Создать единое командование по ведению войны в «серой зоне». Необходимо сформировать специальную структуру, которая объединит под единым оперативным управлением возможности в киберпространстве, космосе, разведке, а также психологические и радиоэлектронные операции.

2. Принять единую доктрину «серой зоны». Следует опубликовать и внедрить официальную доктрину, которая бы четко определяла «красные линии», протоколы ответных действий и стратегии комплексного сдерживания.

3. Сформировать подразделение информационных войн. В составе вооруженных сил необходимо создать специальное подразделение по образцу киберкомандования США. Разведывательные службы должны быть оснащены аналитическими инструментами на основе ИИ для мониторинга иностранной дезинформации в реальном времени.

4. Расширять международное сотрудничество. Индия должна активно привлекать внимание к китайско-пакистанскому сговору на международных площадках, таких как ООН, ФАТФ и QUAD.

Заключение

В заключение автор подчеркивает, что ландшафт безопасности Индии сегодня формируется не конвенциональными войнами, а непрекращающимся конфликтом в «серой зоне». Постоянная прокси-война со стороны Пакистана и высокотехнологичная поддержка со стороны Китая создают гибридную угрозу, цель которой – держать Индию в состоянии стратегического отвлечения и истощения.

Хотя Индия закладывает основу для сдерживания, одних лишь инвестиций в технологии недостаточно. Для эффективного ответа стране необходимы целостная доктрина, институциональная интеграция и упреждающая стратегическая культура. Успех Индии зависит от ее способности трансформироваться из реактивной державы в активного формирователя среды в «серой зоне» – такого, который навязывает издержки противникам, защищает национальные интересы ниже порога войны и возглавляет глобальный диалог о нормах субконвенциональных конфликтов.

Индия

«Белая книга» о готовности ЕС в сфере обороны до 2030 г.: возможности для Индии (The EU Joint White Paper for Defence Readiness 2030: Opportunities for India)

Observer Research Foundation (ORF)

Суджан Р. Чиной (Sujan R. Chinoy), генеральный директор Института оборонных исследований и анализа им. Манохара Паррикара (MP-IDSA)

08.08.2025. URL: <https://www.orfonline.org/research/the-eu-joint-white-paper-for-defence-readiness-2030-opportunities-for-india>

Теги: #Оборонная промышленность #Оборонные расходы #Технологическое сотрудничество #Индия #ЕС #НАТО #Китай #Украина #Россия

В статье представлен анализ «Белой книги» ЕС по обороне до 2030 г., рассматриваемой как поворотный момент для европейской безопасности. Основной тезис автора заключается в том, что исторический сдвиг в политике США, выражающийся в нежелании гарантировать европейскую безопасность, вынуждает ЕС к беспрецедентной консолидации в оборонной сфере. Этот процесс, направленный на достижение стратегической автономии и полной оборонной готовности к 2030 г., создает уникальные перспективы для Индии. Автор утверждает, что Нью-Дели должен активно использовать этот момент для углубления стратегического партнерства с ЕС. Оно включает в себя не только экспорт вооружений и боеприпасов в краткосрочной перспективе, но и долгосрочное технологическое и промышленное сотрудничество, встраивание индийских компаний в европейский ВПК через приобретение стартапов и малых предприятий, а также совместные разработки в критических областях, таких как ИИ и кибербезопасность.

Стратегические интересы Индии в совершенствовании собственного ОПК хорошо ложатся на текущие запросы ЕС и открывающиеся возможности в этой области. Сквозь публикацию несколько раз проходит мысль о том, что Индия обладает таким преимуществом, как нейтральная позиция по отношению к российско-украинскому конфликту, что дает ей возможность гибких действий в Европе. Прагматизм данной позиции показателен на примере предложения автора выходить на европейский рынок через военно-техническое сотрудничество с Украиной, а также использовать настроенные на углубление развития ОПК страны Восточной Европы и рынки стран, ограниченных в финансовых возможностях по военным ассигнованиям, таких как Испания.

Стратегический сдвиг в европейской безопасности

Автор начинает с анализа причин, побудивших Европейскую комиссию 19 марта 2025 г. выпустить «Белую книгу о готовности ЕС в сфере обороны до 2030 г.». Ключевым фактором был исторический сдвиг в позиции США относительно европейской безопасности, который стал очевиден в ходе второго президентского срока Д. Трампа. Нежелание Вашингтона продолжать в полной мере финансировать и гарантировать безопасность Европы, а также его стремление завершить войну на Украине поставили ЕС в затруднительное положение. Данная ситуация выявила десятилетиями накопленные проблемы: недостаточные оборонные расходы и, как следствие, ослабление оборонной готовности континента.

«Белая книга» представляет собой фундаментальный поворот в европейской оборонной политике и является основой плана ReArm Europe. Ее цель – обеспечить Европе возможность противостоять потенциальным изменениям в политике США в ближайшие четыре года. Документ призывает к мобилизации дополнительных оборонных расходов в размере до 1,5% ВВП, что, по прогнозам, может составить не менее 800 млрд евро в течение следующих четырех лет.

План ReArm Europe: консолидация и автономия

План, изложенный в документе, направлен на достижение полной оборонной готовности к 2030 г. Он не отвергает существующих альянсов; в документе подчеркивается, что НАТО остается краеугольным камнем коллективной обороны, а трансатлантические связи – решающими. Также отмечается важность Великобритании как ключевого европейского союзника. Основные направления действий включают укрепление промышленной базы по всей Европе, совместные закупки и создание общеевропейского рынка оборонного оборудования. Особое внимание уделяется интеграции с Украиной; план предусматривает тесную интеграцию украинского ВПК с европейским, рассматривая ее как двусторонний процесс, в котором ЕС может извлечь выгоду из ее ОПК, особенно в сферах ИИ и беспилотников. В документе определено семь приоритетных областей для наращивания потенциала в коллективной европейской безопасности: 1) противовоздушная и противоракетная оборона; 2) артиллерийские системы; 3) боеприпасы и ракеты, включая запасы боеприпасов, ракет и их компонентов; 4) беспилотные и противодронные системы; 5) военная мобильность; 6) искусственный интеллект, квантовые технологии, кибербезопасность и радиоэлектронная борьба; 7) стратегические средства обеспечения и защита критически важной инфраструктуры.

Оценка угроз: Россия и Китай

В контексте содержания «Белой книги» упоминается ряд угроз: терроризм, гибридные атаки (включая дезинформацию и кибератаки), организованная преступность и безопасность цепочек поставок критически важных материалов. В то же время ключевыми драйверами развития ОПК ЕС выступают позиционируемые представителями европейских стран внешние вызовы. Россия рассматривается как постоянная стратегическая угроза. Быстрое перевооружение Европы считается ключом к защите от этой угрозы и утверждению стратегической автономии континента. Китай идентифицируется как авторитарное государство, стремящееся утвердить свое влияние в экономике и обществе Европы. Важно, что вызов со стороны Китая по своему значению приравнивается к стратегическому вызову со стороны России. Автор видит в этом основу для стратегического сближения между Индией и ЕС.

Окно возможностей для Индии

В краткосрочной перспективе в связи с необходимостью ЕС срочно пополнить свои запасы открывается рынок для индийского экспорта боеприпасов и другой конкурентоспособной техники, такой как усовершенствованные буксируемые артиллерийские установки (АТАGs) и РСЗО Pinaka. Данные показывают, что экспорт вооружений и боеприпасов из Индии в ЕС вырос с 67,4 млн долл. в 2023/24 финансовом году до 135,6 млн долл. за первые девять месяцев 2024/25 финансового года.

В средне- и долгосрочной перспективе Индия может интегрироваться в европейский оборонный сектор, используя внутренние экономические и политические различия в самом ЕС. В то время как крупные европейские оборонные конгломераты конкурируют между собой, а такие страны, как Испания, считают цели по оборонным расходам нереалистичными, для индийской оборонной промышленности открывается возможность приобретать или создавать стартапы и малые/средние предприятия в Европе. Основной фокус должен быть направлен на страны Восточной Европы, такие как Польша, Хорватия, Румыния и страны Балтии. Эти государства могут быть более открыты для партнерства. При этом у Индии есть стратегическое преимущество перед ЕС, поскольку она не связана внутренними политическими ограничениями, зависящими от про-российской позиции Венгрии и Словакии, что дает ей большую свободу действий.

Особую роль в этой стратегии может сыграть Украина, которая в перспективе может стать одним из шлюзов к передовым технологиям ЕС. Для Индии это создает уникальную возможность наращивать оборонное сотрудничество с Украиной, дополняя уже существующее партнерство с Россией. В этом контексте нейтральная позиция Индии в продолжающемся конфликте рассматривается как стратегическое преимущество, которое способствует такому взаимодействию.

В дополнение к промышленной интеграции автор рекомендует Индии усиливать диалог в сфере обороны и безопасности с «соседними странами и странами – кандидатами на вступление в ЕС». В этот список входят Албания, Исландия, Черногория, Северная Македония и Швейцария. Укрепление связей с этими государствами позволит Индии расширить свое присутствие и влияние в более широком европейском пространстве безопасности, дополняя экономические и технологические инициативы.

Кроме того, акцент ЕС на ИИ, квантовых вычислениях и биотехнологиях открывает возможности для совместных исследований, а модернизация инфраструктуры – для участия индийских инжиниринговых компаний в проектах по созданию мультимодальных транспортных коридоров.

Потенциальные вызовы и риски

Автор выделяет несколько потенциальных вызовов и рисков для Индии.

Во-первых, миграция вызывает озабоченность в ЕС и усиление политики «Крепость Европа» может негативно повлиять на переговоры по Соглашению о свободной торговле в части, касающейся мобильности индийских работников. Индии жизненно необходимо выстраивать диалог со всеми членами ЕС для создания широкого консенсуса в пользу своей рабочей силы, чтобы не ограничиваться соглашениями лишь с отдельными странами, такими как Германия и Франция.

Во-вторых, стремление ЕС к совместным закупкам и приоритету собственного оборонного производства в рамках плана ReArm Europe может привести к срывам или задержкам поставок по уже заключенным контрактам с Индией. Если европейский ВПК будет ориентирован в первую очередь на внутренние нужды, Индии придется искать новые подходы, чтобы избежать нежелательной зависимости.

В-третьих, гармонизация правил оборонного экспорта внутри ЕС может изменить политику ключевых партнеров Индии, таких как Франция, что способно негативно повлиять на масштаб и содержание будущего сотрудничества. Индии следует предвидеть такие изменения заранее, а не принимать их как свершившийся факт.

Стратегическая ставка Индии

В заключение автор утверждает, что в условиях растущей неопределенности ЕС стремится сохранить свою субъектность в формирующемся мировом порядке. Появление ЕС как сильного «оборонного союза» предоставит Индии, как стремящейся к статусу глобальной державы и стратегически автономного полюса, уникальную возможность для партнерства. Индии следует сделать стратегическую ставку на это партнерство, чтобы диверсифицировать свои оборонные связи, укрепить собственный ВПК и повысить свой глобальный статус. Автор рекомендует индийскому правительству создать межведомственную рабочую группу для постоянного мониторинга и анализа инициатив, изложенных в «Белой книге».

США

«Атлантический бастион»: будущее противолодочной войны (Atlantic Bastion: The Future of Anti-Submarine Warfare)

Институт исследований внешней политики
(Foreign Policy Research Institute, FPRI)

Эмма Солсбери (Emma Salisbury), эксперт по военно-морской безопасности, старший научный сотрудник Программы национальной безопасности Института исследований внешней политики, ассоциированный научный сотрудник Центра стратегических исследований Королевского военно-морского флота и редактор журнала War on the Rocks. Эксперт по военно-морской силе Великобритании.

25.08.2025. URL: <https://www.fpri.org/article/2025/08/atlantic-bastion-the-future-of-anti-submarine-warfare/>

Теги: #США #Великобритания #Подводный флот #Россия #НАТО

Эксперт по военно-морской безопасности Э. Солсбери анализирует один из основных приоритетов опубликованного лейбористским правительством К. Стармера Стратегического обзора в сфере обороны – проект подводной противолодочной обороны «Атлантический бастион». Автор делит вопрос на несколько подсюжетов: краткое объяснение сути «бастиона», рассмотрение России как страны, против которой он направлен, исторический контекст участия Великобритании в военно-морском сдерживании времен холодной войны и его технологической компоненте, основные детали проекта и проблемы его реализации. Автор отмечает высокий боевой потенциал России как одной из ведущих военно-морских держав мира. Солсбери подчеркивает, что у «Атлантического бастиона» большой потенциал вплоть до превращения в отдельную технологическую экосистему внутри НАТО, но он встречает множество практических трудностей и может быть эффективно сдержан российским подводным флотом.

Э. Солсбери анализирует заявленный в Стратегическом обзоре в сфере обороны (Strategic Defence Review, SDR) проект «Атлантический бастион» – особую структуру Королевского флота Великобритании, предложенную в рамках единой стратегии НАТО по обеспечению безопасности в Северной Атлантике. Ключевым вызовом, против которого направлен «бастион», указана Россия.

В частности, автор кратко описывает исторический контекст подводного театра холодной войны и того, какую роль в морском сдерживании Советского Союза играла Великобритания. Солсбери напоминает, что в начале 1950-х гг. в США Комитет по подводной войне порекомендовал создать проект «Иезавель» – долгосрочную программу, предназначенную для обнаружения, классификации и локализации советских подводных лодок с помощью низкочастотного звука. Впоследствии была разработана Система звукового наблюдения (SOSUS) – она использовала сеть гидрофонов, установленных на морском дне, которые могли улавливать низкочастотные звуки, издаваемые подводными лодками. Солсбери резюмирует, что Соединенное Королевство играло значимую роль в этом проекте и, отталкиваясь от него, стремится разработать современную систему военно-морского сдерживания России.

Помимо истории автор анализирует современное состояние российского подводного флота, признавая его одним из ведущих в мире. По ее оценкам, Россия располагает 64 подводными лодками, включая стратегические баллистические ракетные подводные лодки (ПЛАРБ), атомные ударные подводные лодки (АПЛ) и дизель-электрические ударные подводные лодки (ДЭПЛ). Она резюмирует, что подлодки позволяют России успешно проецировать мощь в Атлантическом океане, что также закреплено на доктринальном уровне.

Затем Солсбери переходит к непосредственному описанию самого «Атлантического бастиона», предложенного в SDR. Как утверждает этот оборонный документ, «на основе опыта холодной войны проект нацелен на трансформацию противоположных возможностей Королевского флота путем интеграции беспилотных, автономных и малочисленных пилотируемых систем, внедряя новые и перспективные технологии для улучшения наблюдения и сдерживания».

Как отмечает автор, Великобритания на протяжении долгого времени признавала борьбу с подводными лодками как один из основных приоритетов военной политики. Однако ограниченность в технологиях и развитии средств подводной борьбы создавала препятствия для оперативной гибкости Соединенного Королевства. В связи с этим исследователь подробно делит «бастион» на несколько подразделов, делая вывод, что у него есть потенциал к превращению в отдельную технологическую экосистему внутри британской обороны с перспективой расширения до всей европейской части НАТО.

Во-первых, Солсбери рассматривает запущенную на семь лет программу ASW Spearhead стоимостью 400 млн фунтов стерлингов. Инициатива финансирует два крупных демонстратора технологий, направленных на изучение роли беспилотных систем в операциях по противолодочной обороне: PROTEUS – беспилотная воздушная система (UAS) винтокрылого типа для воздушной разведки и обнаружения; CETUS – сверхбольшой беспилотный подводный аппарат (XLUUV) для подводного наблюдения. Основным направлением деятельности в рамках инициативы ASW Spearhead является проект Charybdis, который направлен на использование достижений в области автономности, робототехники и искусственного интеллекта для создания постоянного беспилотного потенциала наблюдения.

Во-вторых, Соединенное Королевство берет на себя ведущую роль в рамках Инициативы НАТО по созданию интеллектуального барьера для противолодочной обороны (SDI) – многосторонней программы, целью которой является разработка совместимых морских беспилотных систем. Предполагается, что она позволит сформировать единую систему сдерживания внутри Североатлантического альянса.

В-третьих, «Атлантический бастион» включает в себя проект САВОТ, который был официально представлен министерством обороны Соединенного Королевства в начале 2025 г. В его основу легли упомянутый выше проект Charybdis и программа НАТО (SDI). Ключевая цель – разработка и внедрение «портфеля компактных пилотируемых, дистанционно управляемых и автономных воздушных, надводных и подводных аппаратов, датчиков и узлов», которые в совокупности обеспечат постоянный и развертываемый широкомасштабный поиск противолодочных целей.

При этом Солсбери предупреждает, что у амбициозных задач проекта есть многочисленные препятствия, которые могут поставить под вопрос его реализацию.

1. Современные условия развития военно-промышленного комплекса Великобритании. Исследователь отмечает, что подобный проект может стать драйвером его развития, однако для его успешного выполнения необходимо выдержать баланс между «инновациями и оперативным прагматизмом».

2. Уровень технологических инноваций подводного флота России. Солсбери указывает, что, хотя многие из технологий НАТО по отслеживанию подводного флота в годы холодной войны не были известны советской разведке, у «Атлантического бастиона» нет надлежащей секретности. Она резюмирует, что России не составит труда догадаться, где находится большая часть оборудования, или обнаружить его с помощью средств слежки.

3. География проекта. Так как «Атлантический бастион» нацелен на север Атлантики и треугольник Великобритания – Исландия – Гренландия, Королевский флот столкнется со сложным климатом и неблагоприятной окружающей средой. В частности, передача сигналов и распространение звука будут зависеть от таких факторов, как температура, соленость воды, характер течений и рельеф морского дна, что потребует значительных вложений в океанографические исследования.

4. Способность обрабатывать большие массивы данных. Военно-морские системы уже генерируют огромные объемы информации, и расширение возможностей в рамках операции «Атлантический бастион» только усугубит эту ситуацию. Объединение, обработка и использование этих данных потребуют передовых аналитических инструментов и платформ обработки.

5. Отсутствие ясности в участии остальных стран НАТО в проекте. На данный момент не до конца прояснена перспектива участия других членов Североатлантического альянса. Солсбери подчеркивает, что особенно это касается Франции и Норвегии, военные технологии которых способны дополнить экосистему «Атлантического бастиона».

Исследователь делает вывод, что заявленный лейбористским правительством «Атлантический бастион» имеет потенциал для реализации и в теории может значительно укрепить евроатлантическую безопасность. Тем не менее она предупреждает, что проект сложен в исполнении и требует грамотного сочетания концептуальных подходов, технологических решений и политической гибкости. В противном случае он может стать очередной нереализованной инициативой. Кроме того, она указывает на высокий потенциал российского подводного флота, против которого «бастион» может оказаться попросту неэффективным.

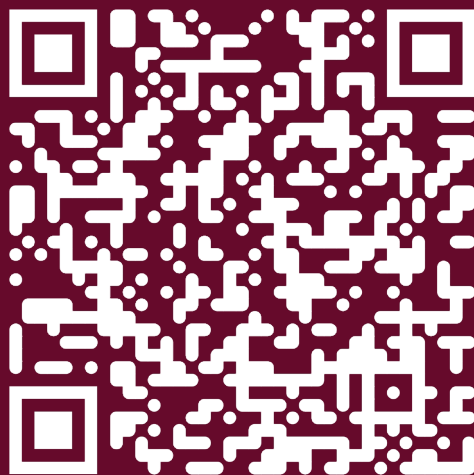

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ
ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
И СТРАТЕГИИ НИУ ВШЭ

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Предыдущие выпуски мониторинга здесь:

Заказать экспертно-аналитическую работу
в ИМВЭС НИУ ВШЭ:

achihachev@hse.ru